

УДК 94 (470.621)
ББК 63.3 (2Рос.Ады) 5
П 16
А.Д. Панеш

Геополитическая ситуация и внутренняя социально-экономическая обстановка в Черкесии в первой трети XIX в.

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье рассматриваются особенности геополитической ситуации в Черкесии в первой трети XIX в., выявляется влияние внешнеполитического фактора на социально-экономическую обстановку в регионе.

Ключевые слова:

Геополитика, Россия, Турция, хозяйство, общественный строй.

В начале XIX в. адыгские народы, известные под названием «закубанские черкесы и кабардинцы» Большой и Малой Кабарды, занимали сравнительно большую территорию на Северном Кавказе – от берегов Черного моря на восток вплоть до центральной части северного склона Кавказского хребта, жили в бассейнах крупных рек – Кубани и Терека. «Черкесские земли... – писал Хан-Гирей, – простираются в длину слишком на 600 верст, начиная от устья Кубани вверх по этой реке, а потом по Куме, Малке и Тереку до границ Малой Кабарды, которые простирались прежде до самого слияния Сунжи с рекою Терекком. Ширина различна и заключается от вышеупомянутых рек на полдень по долинам и по скатам гор в разных кривизнах, имеющих от 20 до 100 верст расстояния, составляя таким образом длинную узкую полосу, которая, начиная от восточного угла, образуемого слиянием Сунжи с Терекком, то расширяется, то опять стесняется, следуя на запад вниз по Кубани до берегов Черного моря»¹. Однако к середине XIX в. в результате наступательных действий царских войск и колонизации Северного (особенно Северо-Западного) Кавказа территория адыгских поселений значительно сократилась.

Наиболее значительными из западноадыгских субэтносов были шапсуги, натухайцы, абадзехи, бесленевцы, темиргоевцы, бжедуги, хатукаевцы, махашевцы, мамхеговцы, егерухаевцы. По Черноморскому побережью и в Прикубанье жили шапсуги и натухайцы. Границами натухайских поселений по берегу моря были устья рек Кубани и Пшады, с востока – р. Адагум, к югу и юго-востоку от натухайцев поселения шапсугов занимали на северном склоне Кавказского хребта огромный четырехугольник между реками Адагум, Кубань и Супс (Бол. Шапсуг), на южном склоне – все побережье от р. Пшады до р. Шахе (Мал. Шапсуг).

На юго-востоке от Большого Шапсуга, в бассейне рек Афипис и Бол. Лаба, жили абадзехи. Севернее абадзехов по среднему и отчасти нижнему течению левого берега Кубани расселились бжедуги. К северу от абадзехов и к востоку от бжедугов жили хатукаевцы. Темиргоевцы населяли территорию между нижним и средним течением рек Белой и Лабы; севернее, в пределах этой же долины, жили егерухаевцы, махашевцы, мамхеговцы. По верхнему течению Лабы, ее притоку Ходзь и по р. Уруп обитали бесленевцы. Самый крайний восточный предел адыгской этнической территории составляли кабардинцы Большой и Малой Кабарды. Они жили в бассейне Терека

и соседствовали на юго-востоке с балкарцами, осетинами, ингушами, чеченцами².

На Черноморском побережье, к югу от адыгских земель, жили убыхи; в горах и предгорьях Большого Кавказа – абазины; в верховьях Кубани – карачаевцы; в междуречье Кубани и Лабы – ногайцы. К северу от Черкесии, на правобережье Кубани, находились поселения украинцев и русских. Земли в северо-западной части Прикубанья, от Тамани до устья р.Лабы, отведенные грамотой Екатерины II от 30 июня 1792 г. черноморским казакам, получили название «Черномории», население которой в 1793 г. составило около 25 тыс. чел. Всего за первую половину XIX в. в район Черномории прибыло около 100 тыс. переселенцев³.

В первую половину XIX в. у адыгов происходило, с одной стороны, массовое смешение и слияние различных субэтносов, уменьшение населения одних групп и значительное увеличение других. Это было связано с условиями, созданными Кавказской войной. Деструктивное воздействие войны на основу жизнеобеспечения не могло не сказаться на народонаселении и демографических процессах⁴. Политика утеснения адыгов и сопряженные с ним бегства и миграции, дополненные вспышками холеры и чумы не только задержали рост численности населения, но и привели к его значительному сокращению⁵. Из всех факторов, влиявших на демографические процессы активнее действовали военно-карательные экспедиции царских войск. Однако глубинные причины потери населения были связаны с разрушением основ хозяйственной деятельности, появлением большого числа беженцев.

Наибольшие потери от эпидемии чумы в первой трети XIX в. понесли кабардинцы. Если к концу XVIII в. их численность достигала 350 тыс. чел.⁶, то к 30-м годам XIX в. их осталось 30-35 тыс.⁷. Многие кабардинцы бежали к закубанским черкесам и в официальной переписке царской администрации именовались как «беглые» или «закубанские» кабардинцы.

Вопрос о численности адыгов в годы Кавказской войны по настоящее время остается спорным. Многочисленные источники, описания и известия дают самые разноречивые сведения о численности адыгов. Русский офицер Г.В. Новицкий приводит цифру 1 млн. 82 тыс. 200 чел.⁸. Хан-Гирей насчитал адыгов 265 тыс. 140 человек⁹. Т. Лапинский, проживший в Черкесии около трех лет, насчитывает в ней более полутора миллионов человек¹⁰. Современные исследователи приводят также про-

тиворечивые цифры. В.К. Гарданов считает, что общее население адыгов в первой половине XIX в. составляло 500 тыс. чел.¹¹. Т.Х. Кумыков утверждает, что в тот период адыгов насчитывалось как минимум 500–600 тыс.¹². М.В. Покровский считает, что только западных адыгов было 700–750 тыс. чел.¹³. А.Х. Бижев пишет, что численность адыгов составляла 1 млн. 700 тыс. чел.¹⁴. При этом он опирался на данные И.Ф. Паскевича – командира Отдельного Кавказского корпуса.

В первой трети XIX в. в Западной Черкесии имелись благоприятные природно-климатические условия для развития многоотраслевого хозяйства, и в первую очередь земледелия и животноводства. Естественно, адыги отдавали предпочтение этим видам хозяйственной деятельности. Однако Кавказская война оказывала деструктивное воздействие на экономику.

Политика «утеснения» адыгов, проводимая царизмом, была характерна для начального этапа войны. В дальнейшем она трансформировалась в «очищение края» от западных адыгов. Такая политика вносила огромные изменения в хозяйственную деятельность адыгов.

В российской историографии XIX – начала XX в. сложилось представление о полупатриархальном, полуфеодалном уровне развития северокавказских народов. Н. Дубровин, В. Потто, Р. Фадеев, А. Щербина стремились изобразить адыгов бедными, дикими, живущими в основном за счет грабежа соседних народов и нападающими на русские поселения, расположенные вдоль Кавказской линии. «Замкнутые в своих неприступных ущельях, – писал Р. Фадеев, – кавказские горцы сходили на равнину только для грабежа и убийства»¹⁵. Такое представление о горцах они создавали для того, чтобы прославить «цивилизаторскую миссию» русского царизма на Кавказе и оправдать ее самодержавную политику.

Исследования известных ученых Р.М. Магомедова, Х.М. Хашаева, Т.Х. Кумыкова, М.В. Покровского, В.К. Гарданова, А.Х. Касумова, А.Х. Бижева и А.Ю. Чирга¹⁶ полностью опровергают все эти измышления. Народы Северного Кавказа всегда отличались своим трудолюбием, а главным их занятием было земледелие и скотоводство.

В первой половине XIX в. основное место в экономике адыгов продолжало занимать сельское хозяйство, важнейшей отраслью которого являлось земледелие. Черкесы занимались земледелием с древнейших времен. У западных адыгов, в особенности у проживавших в горной зоне, эта отрасль сельского хозяйства достигла довольно высокой ступени развития¹⁷.

Излюбленным хлебным злаком адыгов, так же как «пшеница и рожь в других странах»¹⁸, было просо. Кроме того, они сеяли рожь, ячмень, овес, полбу, а с начала XIX в. все большее распространение получает возделывание кукурузы и пшеницы¹⁹. Роль главных отраслей животноводства – овцеводства и коневодства – из-за военных действий и потери части территории постепенно снижалась. Немаловажное значение в хозяйстве адыгов имели садоводство, виноградарство, пчеловодство, охота, рыболовство и лесные промыслы.

О том, что сельское хозяйство занимало ведущее место в экономическом развитии Черкесии, свидетельствуют многочисленные исторические материалы прошлого

века. Хороший знаток адыгской действительности Хан-Гирей дает следующие характеристики хозяйства некоторых субэтносов.

Шапсуги: «Жилища их расположены усадьбами по ущельям и берегам рек, живописно орошающих их земли. Они не радеют о земледелии, хотя земля их довольно плодородна. Также и скотоводством надлежащим образом не занимаются по причине недостатка в горах привольных пастбищ; но из сего исключаются те из них, которые живут у северных подножий гор совокупно, наподобие аула. И, пользуясь равнинами, лежащими между Кубанью и горами, более радеют о скотоводстве и хлебопашестве»²⁰. Из этого следует, что шапсуги, жившие в горной местности, не имели благоприятных условий для интенсивного земледелия.

Бесленевцы: «Занимаемые ими земли нимало не уступают землям кабардинцев ни в изобилии произрастаний, ни в доброте почвы, ни в тучности пастбищ; также и наружный их вид не менее пленителен. Множество рек орошают их земли; из числа этих рек главнейшие – две Лаба, между коими лежащие места более избираются для жительства. Бесленейцы мало радеют о земледелии, как и кабардинцы, но занимаются скотоводством, в особенности овчарные заводы составляют у них главнейшую отрасль сельского хозяйства»²¹.

Махочевцы: «Плодородные ими занимаемые земли способствуют всяким хозяйственным упражнениям, почему они и более прочих трудолюбивы, награждают хорошо вырубкою хлеба, высевая много проса, частью яровой пшеницы, овса и ячменя. Обоего рода скота весьма богаты и изобильны лошадьми хорошей породы»²².

Абазехи: «Скотоводство составляет главное их упражнение, особенно овцеводство. Из хлебов сеют они преимущественно полбу, употребляют также кукурузу»²³.

Темиргоевцы: «Плодородие сих земель, особенно к хлебопашеству способных, дает им пропитание с изобилием; не менее упражняются они и скотоводством и конскими заводами лучших черкесских пород: обоими родами, особенно лошадьми, они изобильнее всех прочих черкесских народов... Достаток сей есть следствие их трудолюбия»²⁴.

У адыгов существовали такие системы земледелия как подсечная, переложно-залежная, чередование культур.

Важное место в сельском хозяйстве адыгов занимало огородничество. Хан-Гирей отмечает, что «каждый порядочный хозяин имеет обыкновенно огород около своего дома, где засеивает он всякого рода огородные растения»²⁵. Выращивали лук, тыкву, фасоль, свеклу, капусту, чеснок, огурцы, морковь, редьку, арбузы и дыни. Адыги разводили также табак²⁶.

На Черноморском побережье широкое развитие получило шелководство. Важное значение имело лесоводство. Лес был важнейшей статьей черкесского экспорта²⁷.

Важную роль в жизни причерноморских адыгов играло садоводство. По мнению известного ученого Н.А. Тхагушева черкесские сады «были окружены всеобщим вниманием, заботой и обрабатывались повсеместно хорошо»²⁸.

Важную роль в хозяйстве адыгов играло скотоводство. Хан-Гирей сообщает, что адыги разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот и буйволов²⁹.

И.Ф. Бларамберг, побывавший в Черкесии, обращал внимание на многочисленность скота, который был мерлом богатства отдельных семей³⁰.

Очень важное место в жизни адыгов занимало коневодство. В Черкесии были выведены знаменитые породы лошадей – шолох, бечкан и другие. Источники XIX века изобилуют сведениями, характеризующими отношения черкесов к лошадям.

Определенную роль в хозяйстве адыгов играло также пчеловодство, развитию которого благоприятствовало большое количество медоносных растений³¹.

Адыгская экономика рассматриваемого времени носила натуральный характер³². Домашние промыслы были направлены в основном на обслуживание внутреннего рынка. Домашние промыслы достигли довольно значительного развития. Так, продукция шерстеобрабатывающей промышленности (сукна, бурки) находила себе хороший сбыт на внешнем рынке³³.

Широкое развитие в Черкесии получили ремесла, такие как, кузнечное производство, изготовление оружия, ювелирное искусство и шорное дело.

Господство натурального хозяйства в Черкесии обусловило слабую внутреннюю торговлю. Не было у адыгов и собственной денежной системы. Вместе с тем, хорошо была развита внешняя торговля. В рассматриваемый период адыги поддерживали торговые связи с Османской империей и Россией, а также со странами Европы и Ближнего Востока. Активная торговля купцами из Османской империи велась со времени установления политического влияния Порты на Черноморском побережье (XVI в.). Архивные документы сообщают о существовании торговых связей Турции с адыгами³⁴.

По сведениям С. Пушкарева из одной лишь Новороссийской бухты отплывало во времена османского господства ежегодно до 120 больших кораблей, везших местные продукты в Турцию³⁵. Большое место в этой торговле занимал вывоз невольников.

Весьма своеобразная политическая обстановка существовала на северо-восточном побережье Черного моря. Турецкое правительство вплоть до 1829 г. считало эти земли своим владением. Однако реальной властью над адыгами, жившими на этой территории, Порты не обладала. Степень политического влияния Турции на черкесов была также весьма незначительной. Учитывая это обстоятельство «Порты всячески поощряла торговое проникновение в Черкесию, считая его одним из важных средств для утверждения своего политического влияния среди горцев»³⁶.

После подписания между Россией и Турцией Адрианопольского договора в 1829 г., значительно изменился режим торговли адыгов на Черноморском побережье. Царское правительство запретило свободную торговлю иностранных купцов с черкесами. Такая политика царизма была направлена на изоляцию адыгов от внешнего мира. Царизм преследовал собственные военно-политические цели, а блокада побережья являлась одним из методов завоевания Черкесии.

Несмотря на такую политику адыги поддерживали торговые связи с иностранными купцами. В больших количествах вывозились из Западной Черкесии самшит и тис, а также бук и орех. Большим спросом пользовались предметы, связанные со скотоводством, в большом количестве вывозились продукты земледелия.

Иностранные купцы привозили в Западную Черкесию оружие, порох, свинец, серу, железо и сталь³⁷. Адыги получали также бумажные и шелковые ткани, шерстяные материи, холст, сафьян и многое другое. Черкесам продавали также предметы домашнего обихода.

В тот же период адыги поддерживали торговые связи с Россией. Уже с конца XVIII в. разворачивается выгодная торговля между казаками и закубанскими адыгами. Следует отметить, что казаки налаживали свое земледельческое хозяйство на новом для себя месте при содействии адыгов. Так, кошевой атаман казачьего войска А. Головатый предписывал ордером от 16 декабря 1792 г. начальнику Таманского отряда Савве Белому «организовать для переселенцев покупку у горцев семян злаков»³⁸. Решение о меновой торговле с горцами по Кавказской линии было принято правительством России в 1810 г. Для этого в 1811 г. были учреждены Усть-Лабинский, Прочнокопский, Прохладненский, Константиногорский, Лашуринский и Наурский меновые дворы³⁹. Такие дворы были открыты и на территории Черноморского казачьего войска.

Торговля России с адыгами имела ряд особенностей, обусловленных геополитическими интересами империи в регионе. Во-первых, развивая торгово-экономические отношения с черкесами, Россия преследовала прежде всего военно-политические цели. Царизм стремился укрепить свои позиции на Черноморском побережье. Во-вторых, в торговых связях России с черкесами в первой трети XIX в. существовала тенденция к расширению взаимовыгодных отношений в этой сфере. Однако в дальнейшем она не стала доминирующей в политике царизма, взявшего курс на эскалацию военных действий в Черкесии.

В целом можно отметить что, несмотря на тяжелые условия, адыги поддерживали торговые связи с Османской империей и Россией.

В первой трети XIX века у западных адыгов господствовали феодальные отношения. Вместе с тем сохранялись и некоторые черты родовых отношений. Общественно-политическое развитие Западной Черкесии конца XVIII – начала XIX в. характеризуется существованием четкой тенденции к оформлению двух типов феодальных обществ. Адыгские субэтнические группы делились на два больших подразделения – «аристократическое» и «демократическое». К «аристократическим» относились кабардинцы, бесленевцы, темиргоевцы, махашевцы, мамхеговцы, бжедуги, хатукаевцы, егерухаевцы, жанеевцы, адемиевцы. К «демократической» группе относились абадзехи, шапсуги и натухайцы. Различие этими двумя группами в политической сфере заключалось в том, что у первой сохранялось княжеское управление, а у второй господство феодальной знати было подорвано и сословные привилегии в значительной мере ликвидированы в результате демократического переворота, совершившегося в конце XVIII в.⁴⁰

В аристократических обществах наблюдалась более четкая социальная стратификация, особенно у кабардинцев. Сложный характер носила социальная структура у демократических субэтнотосов, где были еще сильны пережитки общинного устройства. Здесь произошла некоторая перегруппировка знати, в состав которой влилась новая феодальная прослойка в лице общинной знати – старшин и богатых тфокотлей.

С укреплением ислама и шариата все большее значение как в аристократических, так и в демократических обществах приобретало мусульманское духовенство, верушка которого пополняла ряды феодальной знати.

В Западной Черкесии господствовала не закрепленная юридически феодальная собственность на землю. У «аристократических» субэтнотосов существовала княжеская и дворянская собственность на землю⁴¹. У шапсугов, натухайцев и абадзехов княжеская собственность отсутствовала, но сохранялось дворянское землевладение.

Отличительной чертой экономической жизни «демократических» субэтнотосов являлось наличие и интенсивное развитие мелкокрестьянской собственности на землю⁴².

Феодальная лестница у «аристократических» субэтнотосов выглядела следующим образом. На высшей ступени находились князья (пши), обладавшие различными политическими и экономическими привилегиями. О высоком и почетном положении князей писал К.Ф. Сталь⁴³. Высокий социальный статус адыгских князей, их независимость зафиксированы в Своде адыгов, составленном в 1845 г. А. Кучеровым⁴⁴.

В состав господствующего класса феодалов входили султаны-хануко и дворяне (уорки). Тлекотлеши и денежугу относились к дворянам первой степени. Они являлись также владельцами феодалами. В подчинении тлекотлешей и денежугу находились уорки-шаутлугусы (дворяне третьей степени), тогда как большинство второстепенных дворян (пши-уорков и беслан-уорков) несли службу князю.

У шапсугов и абадзехов князья отсутствовали. Дворянство у «демократических» субэтнотосов подразделялось на три степени: тлекотлеши, уоркишхи и уорки-шаутлугусы.

Крестьянство было представлено в Западной Черкесии незакрепленными непосредственными производителями (тфокотлями), вольноотпущенниками (азатами), крепостными крестьянами (пшитлями и огами)⁴⁵.

Правовое положение тфокотлей у адыгских субэтнотосов было различным. Если у шапсугов, натухайцев и абадзехов они были фактически свободными лицами, то у «аристократической» группы адыгов свобода тфокотлей была ограничена.

К тфокотлям были близки по своему правовому положению азаты, которые освобождались по воле владельца, по выкупу или по доказательству, что их незаконно закрепостили⁴⁶.

Следующую категорию крестьянства составляли пшитли, которые являлись лично зависимыми от феодала.

Весьма своеобразное положение в социальной иерархии занимали оги. Они имели больше личных и имущественных прав, чем пшитли. На это обратил внимание хороший знаток адыгской действительности Н.Ф. Дубро-

вин, отметивший относительно независимое положение огов⁴⁷.

На низшей ступени социальной лестницы находились унауты – домашние рабы, не имевшие ни личных, ни имущественных прав.

Итак, уровень экономического и политического развития западных адыгов в первой трети XIX в. был довольно высоким. Однако сказывалось деструктивное воздействие Кавказской войны, в условиях которой адыги вели неравную борьбу с царизмом за свою независимость.

Экономическое и политическое развитие западных адыгов в определенной степени зависело и от геополитического положения Черкесии, оказавшейся в сфере интересов Турции и России.

С конца XVIII – начала XIX в. черкесский вопрос стал одним из наиболее острых в русско-турецком соперничестве: Черкесия, расположенная в северо-западной и центральной частях Северного Кавказа, через которую пролегали пути от Черного до Азовского моря к Каспию и в Закавказье, не случайно превратилась в объект турецкой политики. Поскольку укрепление позиций России на Северном Кавказе началось с адыгских земель, то это существенным образом нарушало планы Османской Порты.

Военно-политическое взаимодействие России и Османской империи в XVI-XIX вв. представляло собой сложный, противоречивый и неоднозначный процесс, в ходе которого обеим сторонам приходилось решать немало задач дипломатического, военного и политического характера. При этом одной из ведущих тенденций выступала упорная борьба между Россией и Османской Портой за политическое и экономическое влияние на адыгов, вначале на Кабарду. Эта борьба и создавала геополитическую ситуацию и определяла характер основных событий, происходивших в регионе.

Историк А.В. Фадеев считает, что до конца XVIII в. кабардинский вопрос являлся «для русской дипломатии важной составной частью кавказской проблемы, от решения которого во многом зависело обеспечение для России доступа к южным морям»⁴⁸. В начальный период противостояния с Турцией России приходилось идти на уступки в кабардинском вопросе. Согласно Прутского договора 1711 г. Россия отказалась от вмешательства в дела Кабарды, по статье 6 Белградского мирного трактата, подписанного в 1739 г., Кабарда провозглашалась «вольной» и должна была служить как бы барьером между Турцией и Россией⁴⁹. Обе империи обязались не вмешиваться во внутренние дела кабардинцев, но получали право «по древнему обыкновению» требовать у них «аманатов» (заложников)⁵⁰.

В 60-х годах XVIII в. во внешней политике России на первый план выдвигается черноморская проблема. Это вызвало обострение черкесского вопроса в русско-турецких отношениях. Кючук-Кайнарджийский мир, завершивший русско-турецкую войну 1768-1774 гг., открыл Черное море и проливы для русского торгового судоходства. По условиям этого договора к России отошли Азов, Керчь, Еникале, Кинбург, территория между Днепром и Бугом и Кабарда⁵¹. В ходе войны в 1772 г. Россия добила признания независимости Крымского ханства, лишив тем самым Турцию важного военно-стратегического

плацдарма, которым она на протяжении длительного времени пользовалась в агрессии против народов Северного Кавказа⁵². Крым был объявлен независимым. Эта крупная победа русской дипломатии решила кабардинский вопрос в пользу России, заметно укрепившей свои позиции в бассейне Терека, где она получила прямой путь через Кабарду в Грузию. С ликвидацией Крымского ханства в 1783 г. Россия продвинулась к прикубанским землям, и приблизилась с севера и востока к территории закубанских адыгов. Турция признала р. Кубань границей русских земель на Северном Кавказе, что было подтверждено Ясским договором 1791 г. и русско-турецким союзом 1798 г.⁵³

Таким образом, к началу XIX в. западные адыги оказались в сфере политического влияния Турции. Черкесский вопрос не получил своего полного разрешения, борьба вокруг него еще более обострилась и усложнилась. Из русско-турецкого конфликта черкесский вопрос превращается в один из важных объектов дипломатической и вооруженной борьбы между соперничавшими за Кавказ и бассейн Черного моря Англией и Францией⁵⁴.

В начале XIX в. наступает новый этап в военно-политическом противостоянии России и Османской империи по черкесскому вопросу. Присоединение в 1801 г. Восточной Грузии к России изменило политическое положение и соотношение сил на Кавказе в пользу России. Перешагнув Кавказский хребет и создав плацдарм в Закавказье, русский царизм старался всеми силами расширить его за счет прикаспийских и причерноморских районов и Армянского нагорья⁵⁵. Присоединение Восточной Грузии к России оказало воздействие не только на судьбы закавказских народов, но и на горцев Северного Кавказа. Оно также повлияло на внешнеполитическую ориентацию адыгов и геополитическую ситуацию в Черкесии в целом. В восточной политике России закавказское направление приобретало важное значение. Это было связано со стремлением царизма создать прочные позиции на Северном Кавказе, и в частности в Черкесии⁵⁶. Однако в условиях обострившихся международных отношений, основой которых было англо-французское соперничество как на Западе, так и на Востоке, русской дипломатии приходилось действовать осторожнее⁵⁷. До 1806 г. усилия России были направлены на сдерживание экспансии Наполеона в Западной Европе. На Ближнем же Востоке царизм стремился к поддержанию и укреплению союзных отношений с Турцией⁵⁸. Союзный русско-турецкий договор 1798 г. был расширен договором 1805 г. сроком на девять лет, важнейшим пунктом которого являлось взаимное обязательство о совместной обороне черноморских проливов. Вместе с тем, согласно этому договору, Россия вынуждена была отказаться от новых территориальных приобретений на Черноморском побережье Кавказа⁵⁹.

Несмотря на союзнические отношения с Турцией, Россия продолжала укреплять свои позиции на Северо-Западном Кавказе. Усиливаясь к этому времени среди кавказских народов политическая ориентация на Россию способствовала планам царского правительства относительно Закавказья; началось присоединение к России Западной Грузии и Северного Азербайджана.

После присоединения Грузии к России для Петербурга важное значение приобретает Дагестан. Именно

здесь влияние России оставалось проблематичным, поскольку внешнеполитическая ориентация местных властей была неустойчивой. Тем не менее «прошения» о подданстве России владетелей Дагестана уцмия Кайтагского Рази-бека, владетеля Табасарана Саграб-бека, правителя дербентского Гасан-Али-Хана и других владетелей, подданные на имя Александра I в 1801 г., создавали у российского правительства больше уверенности в отношении Каспийского побережья⁶⁰. Однако царизм предпочитал действовать здесь осторожно. Александр I предлагал установить союз между дагестанскими владетелями под его покровительством⁶¹. Россия стремилась к объединению феодально обособленных владений Северо-Восточного Кавказа и созданию надежного заслона против ирано-турецкой агрессии.

В декабре 1802 г. в Георгиевске было достигнуто «союз», во многом носивший формальный характер. Тем не менее, этот альянс между владетелями Дагестана и Азербайджана имел для России важное политическое значение. Российская политика в Черкесии в конце XVIII – начале XIX в. носила своеобразный характер. Опираясь на Кючук-Кайнаджирский договор, царизм открыто укреплял свои позиции в Кабарде. В отношении Западной Черкесии Россия придерживалась более гибкой тактики, стремясь не допустить внешнеполитических осложнений. Главные задачи царского правительства – поддержание мирных отношений с западными адыгами и укрепление Кубанской оборонительной линии вытекали из геополитической ситуации, сложившейся в регионе после Кючук-Кайнаджирского мира. Потеря Крыма и Северного Причерноморья значительно ослабили позиции Турции на Северо-Западном Кавказе. Усиление российской экспансии в регионе вызывало противодействие Порты.

Султанское правительство приступило к строительству военных укреплений на Черноморском побережье Кавказа. Одной из таких крепостей являлась Анапа, построенная в 1781 г. с помощью французских инженеров и названная турками «ключом азиатских берегов Черного моря»⁶². С тех пор крепость стала опорным пунктом турецкой экспансии на Северном Кавказе. Вместе с тем Анапа являлась своеобразным центром взаимодействия адыгов с Турцией. Наряду с политическими и торгово-экономическими, связями исламский фактор играл значительную роль в адыго-османских отношениях. пропаганда ислама была использована турками для усиления своего влияния в Черкесии. Однако воздействие этого фактора было значительно шире и глубже.

Исламскую пропаганду в Черкесии следует рассматривать в контексте социокультурной динамики адыгского общества, стремившегося к расширению контактов с исламским миром.

В военно-политическом взаимодействии России с османской империей Черкесия играла важную роль. Она была обусловлена не только стремлением этих держав упрочить свои позиции в регионе, но и довольно активным сопротивлением адыгов экспансии России и Порты.

Западные адыги считали себя политически совершенно независимыми, и только в силу религиозных понятий признавали главенство султана как верховного представителя религии. «Нужно сказать, – писал князь Хаджимуков, – что введение ислама, отдавшее Черкесию под

более или менее сильное влияние турок, не сделало ее однако же провинциею, подвластною Турции. Черкесы почитали султана своим духовным главою, но светской власти его не признавали, и отнюдь не позволяли ему вмешиваться в их внутренние дела. Они оставались народом свободным и независимым»⁶³.

Таким образом, зависимость адыгов от Турции была чисто номинальной. Это хорошо понимали правящие круги в Стамбуле и в Петербурге. Поэтому успех укрепления политического влияния среди черкесов как со стороны Турции, так и России во многом зависел от внешнеполитической ориентации адыгов.

Вопрос о внешнеполитической ориентации западных адыгов является сложным, что обусловлено неоднозначностью взаимоотношений черкесов с Россией и Турцией. При определении ее динамики и основных направлений необходим учет всех факторов, характеризующих обстановку того времени. А.Х. Касумов отмечает, что «среди адыгских феодалов сложились два направления – протурецкая и прорусская внешнеполитические ориентации»⁶⁴. принятие присяги на подданство той или иной державе зависело, по мнению ученого, от классовых или политических интересов адыгской знати⁶⁵. На наш взгляд, характер взаимоотношений черкесских феодалов с Турцией и Россией во многом зависел от геополитической ситуации в регионе и внутренней социально-экономической обстановки. При этом определяющей тенденцией являлось стремление адыгов к сохранению своей независимости. Черкесские князья, дворяне и старшины на подданство смотрели как «на временное перемирие». «Вот почему, – отмечал Хаджимуков, – вся эпоха Кавказской войны изобилует крайне оригинальными фактами: какой-нибудь князь со своими подвластными присягал на подданство, прекращал набеги, даже охранял русские границы, а через несколько времени его встречали снова действовавшим против русских уже с оружием в руках. Это отлично понимала кавказская администрация, а потому, оставляя присягу как простую формальность, она в то же время в своих донесениях называла своих новых подданных не подданными, а только мирными»⁶⁶.

В конце XVIII в. имели место обращения ряда адыгских князей и дворян к российским властям с просьбой о принятии их в подданство России с поселением на правой стороне р. Кубани. Однако правительство России отклонило эту просьбу. Так, в рескрипте Екатерины II к графу Зубову от 3 мая 1795 г. по поводу просьбы бжедугских и натухайских князей о принятии в русское подданство говорилось, что «удовлетворение таковому желанию их завело бы нас в неприятные объяснения и хлопоты с Портой Оттоманской, подав ей причину укорять нас в нарушении заключенного с нею трактата». Поэтому Екатерина II считала необходимым «отклонить их от сего шагу», но, «содержа помянутых князей в добром к нам расположении и обнадеживая их сохранением мирного соседства... позволить конским табунам их ходить на пастбы на земле Войска Черноморского»⁶⁷. Такого же содержания был рескрипт императора Павла I от 3 декабря 1796 г. к графу Зубову в ответ на подобные просьбы.

Обращения адыгских князей к России свидетельствуют о стремлении определенной части черкесской знати сблизиться с Россией. В 1798 г. правительство Павла I

разрешило Али Шеретлу-Оглы а другим адыгским князьям поселиться на правом берегу Кубани⁶⁸. На этот раз Россия изменила свою тактику по вопросу взаимоотношений с закубанскими адыгами. С этого времени участились переходы или просто бегство на казачьи земли адыгских крестьян и рабов, где они селились целыми аулами и назывались «мирными горцами»⁶⁹.

Вопрос об отношении царизма к «мирным» черкесам является непростым и требует более детального рассмотрения.

Российская практика продвижения на Северо-Западный Кавказ в конце XVIII – начале XIX в. показала, что по отношению к адыгам не было достаточно эффективной системы воздействия на умонастроения черкесов. Из записок декабриста А.Е. Розена видно, что военная администрация на Кавказе должным образом не занималась обустройством адыгов, поступивших в подданство России⁷⁰. На это также указывает историк Я.А. Гордин⁷¹.

Сближение адыгов с Россией серьезно встревожило турецкие власти в Анапе. Так, в 1799 г. Осман-паша писал: «По какому случаю переселены на русскую землю закубанцы, в противность трактата между Россией и Турцией, в силу которого горцы считались подвластными Порте Оттоманской?»⁷². Паша требовал возврата адыгов, перешедших на сторону России, заявляя, будто бы их насильственно переселили на казачьи земли и что переселенцы просят его «защиты от русских». При этом Осман-паша в качестве аргумента приводил бегство бжедугского князя Явбук-бея назад, в Закубань⁷³.

Россия не желала портить свои отношения с Турцией и после дипломатических переговоров, Петербург специальным рескриптом от 6 февраля 1800 г. предписал Черноморскому войсковому атаману Бурсаку «впредь не впускать» горцев на русскую сторону⁷⁴. Турецкие власти в Анапе были заинтересованы в сохранении напряженности в адыго-русских отношениях. А такая напряженность существовала и ее возникновение было связано не только с политикой Порты. Продвижение России на Северо-Западный Кавказ сопровождалось строительством кордонных линий, вблизи которых селились станицы. Непосредственная близость этих линий к территории Черкесии вызывало беспокойство адыгов, справедливо усматривавших в акциях царизма угрозу своей независимости. В сложившихся условиях для адыгов эффективным средством обороны от внешней угрозы являлся институт военного наездничества. Иную точку зрения отстаивают исследователи М.М. Блиев и В.В. Дегоев, считающие набеговую систему горцев формой военной экспансии против России⁷⁵.

Воссоздание подлинной картины событий требует объективной и взвешенной оценки как российской, так и турецкой политики в Черкесии. В сложившихся исторических реалиях Турция стремилась остановить экспансию России на Северо-Западный Кавказ. Однако Порты не обладала достаточно эффективными средствами противодействия этому. Адыги, оказавшись в сфере интересов этих держав, расценивали любые акции, направленные против них, как вмешательство в их внутренние дела. Вместе с тем они оставляли за собой право обращаться за помощью к любому государству. В данном случае лидеры адыгов учитывали фактор российско-турецкого про-

тивостояния и нередко прибегали к «услугам» турецких властей. В этом состояло, на наш взгляд, своеобразие геополитического положения Черкесии в рассматриваемое время.

Архивные документы свидетельствуют о случаях нападения адыгов на российские кордонные линии, вызвавшие военные акции царских войск в Черкесию. Эти акции сопровождалась разорением адыгских селений и уничтожением людей. «Было убито 200 и ранено 300 адыгов, в плен взято более 500 человек...»⁷⁶.

В этих условиях ряд адыгских князей обратились к анапскому паше с просьбой о помощи. Паша обещал, что «он сам выступит из Анапы с 400 янычарами, шестью орудиями в соединении с 15 тысячами черкесов»⁷⁷. Сведения эти насторожили военное командование на Кубани, которое через русского посланника в Стамбуле обратилось к турецкому правительству. Оно потребовало от анапского паши строжайшим образом «изыскать и наказать виновных» и чтобы «союз и дружба по силе трактата мирного хранена была всемерно».

Русско-турецкие отношения стали постепенно обостряться. Стороны обвиняли друг друга в нарушении существующих мирных договоров. Назначались особые чиновники по переговорам о взаимных претензиях казаков и адыгов. Чиновники ездили по черкесским аулам, присутствовали на общих собраниях князей и дворян, где ставились вопросы урегулирования отношений.

Таким образом, накануне русско-турецкой войны 1806-1812 в Черкесии сохранялась напряженная обстановка. Характер адыго-русских и адыго-османских отношений во многом определялся геополитическими интересами и сбалансированностью политики России и Турции.

Примечания:

- 1 Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С.53.
- 2 Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974. С. 15-65.
- 3 Волкова Н. Г. Указ. соч. С. 198-199; Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. / Под ред. А. П. Прошгейна. Ростов н/Д, 1977. С. 57; Ратушняк В. Н. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие. Краснодар, 1978. С. 42-44.
- 4 Бижев А.Х. Социально-экономический строй народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в годы Кавказской войны (по материалам российской разведки). Майкоп, 2005. С.49.
- 5 Там же
- 6 Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999. С.54.
- 7 ГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 437. Л. 7.
- 8 Новицкий Г. В. Топографическое описание северной покато-сти Кавказского хребта от крепости Анапы до истока реки Кубани, Записка штабс-капитана Новицкого // Фелицын Е.Д. Черкесы – адыге и западно-кавказские горцы. Екатеринбург, 1884. С.13.
- 9 Хан-Гирей. Записки о Черкесии... С.88.
- 10 Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С.17.
- 11 Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С.43.
- 12 Кумыков Т.Х. Общественный строй адыгских народов в XVIII – первой половине XIX в. // Ученые записки Кабардино-Балкарского госуниверситета: серия историко-филологическая. Нальчик, 1971. Вып.43. С.31-32.

- 13 Покровский М. В. Адыгские племена в конце XVIII-первой половине XIX в.// Кавказский этнографический сборник. М., 1958. Вып. 2. С.93.
- 14 Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX века. Майкоп, 1994. С.70.
- 15 Фадеев Р. 60 лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С. 23.
- 16 Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957; Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965; Покровский М. В. Адыгейские племена в конце XVIII – первой половине XIX в.; Гарданов В. К. Указ. соч.; Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX века. Ростов-на-Дону, 1989; Бижев А.Х. Социально-экономический строй...; Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002.
- 17 Чирг А.Ю. Указ. соч. С.27.
- 18 Хан-Гирей. Записки о Черкесии... С.240.
- 19 Гарданов В. К. Указ. соч. С. 62.
- 20 Хан-Гирей. Записки о Черкесии... С.194.
- 21 Там же. С. 165.
- 22 Хан-Гирей. Записки о Черкесии... С.167.
- 23 Там же. С. 191.
- 24 Там же. С.171.
- 25 Там же. С. 241.
- 26 Чирг А.Ю. Указ. соч. С.28.
- 27 Там же.
- 28 Тхагушев Н.А. Адыгейские (черкесские) сорта яблони и груши. Майкоп, 1948. С. 18.
- 29 Хан-Гирей. Записки о Черкесии... С.242-243.
- 30 Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVIII-XIX вв. Нальчик, 1974. С. 369. (Далее – АБКНКА).
- 31 Чирг А.Ю. Указ. соч. С.30.
- 32 Покровский М.В. Адыгейские племена... С.100; Гарданов В.К. Указ. соч. С.112.
- 33 Чирг А.Ю. Указ. соч. С. 31.
- 34 Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.260. Оп.1. Д.10. Л.1.
- 35 См.: Чирг А.Ю. Указ. соч. С.32.
- 36 Там же. С. 33.
- 37 Чирг А.Ю. Указ. соч. С.34.
- 38 Короленко П.П. Головатый, Кошевой атаман Черноморского казачьего войска // Кубанский сборник, Екатеринодар, 1905. Т.II. С.147.
- 39 См.: Чирг А.Ю. Указ. соч. С.35.
- 40 Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау // Воспоминания и документы. Нальчик, 1999. С.173.
- 41 Чирг А.Ю. Указ. соч. С.37.
- 42 Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX века. Майкоп, 1994. С.145-146.
- 43 Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т.21. С.144.
- 44 Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1. С.120.
- 45 Чирг А.Ю. Указ. соч. С.39.
- 46 Там же. С.40.
- 47 Дубровин Н.Ф. Черкесы (Адыге). Краснодар, 1927. С.130.
- 48 Фадеев А В Кабарда и Балкария в системе международных отношений XVIII в //История Кабардино-Балкарской АССР. М, 1967. Т. 1. С. 163.

-
- ⁴⁹ Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX века. Ростов-на-Дону, 1989. С.55.
- ⁵⁰ Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб. 1869. С. 19.
- ⁵¹ Дружинина Е. Д. Кючук-Кайнарджийский мир. М., 1955. С. 334.
- ⁵² Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). М., 1984. С. 32.
- ⁵³ Юзефович Т. Указ. соч. С. 43-46.
- ⁵⁴ Касумов А.Х. Указ соч. С. 56.
- ⁵⁵ Фадеев А. В. Основные этапы в развитии русско-кавказских связей // Ученые записки научно-исследовательского института КБ АССР. 1960. Т. 17. С. 57.
- ⁵⁶ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ соч. С.101.
- ⁵⁷ Касумов А.Х. Указ. соч. С.56-57.
- ⁵⁸ Нарочницкий А. Л., Казаков Н. И. К истории Восточного вопроса // Новая и новейшая история. 1969. №6. С. 66.
- ⁵⁹ Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907. С. 4-5.
- ⁶⁰ Киняпина Н.С. Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С.101.
- ⁶¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С.174-175.
- ⁶² Народы Западного Кавказа (По неизданным запискам природного бжедуга князя Хаджимукова) // Кавказский сборник. Тифлис, 1910. Т. 30. С. 22.
- ⁶³ Народы Западного Кавказа... С. 23-24.
- ⁶⁴ Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ... С.58.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Народы Западного Кавказа... С. 20.
- ⁶⁷ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 248 Л 60-61.
- ⁶⁸ Короленко П. П. Черноморцы. СПб., 1874. С. 102.
- ⁶⁹ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 608-610.
- ⁷⁰ Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С.390
- ⁷¹ Гордин Я.А. Кавказ: Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. С.24-25.
- ⁷² Короленко П. П. Указ. соч. С. 116-117.
- ⁷³ Там же. С. 117.
- ⁷⁴ Там же. С. 119.
- ⁷⁵ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. 1994.
- ⁷⁶ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Главный архив. П-27. 1802. Оп. 72. Д. 11. Л. 2-3.
- ⁷⁷ Там же. Л. 6.